

Было еще темно.

Густой белый туман окутал раскинувшийся за городком лес и реку; из-за этой пелены вокруг ничего нельзя было толком разглядеть.

Ветки деревьев стояли совершенно голыми. Лишь кое-где на самых кончиках сиротливо ютились редкие сухие листья. В безветренном воздухе они замерли неподвижно, отчего вся картина казалась еще более тоскливой и увядающей.

Постепенно слышался перестук копыт. Он приближался, и из глухого и далекого становился все более отчетливым.

Около дюжины мулов и ослов, одни везли груз, другие тянули нагруженные телеги, напряженно опустив головы и выдыхая клубы белого пара из ноздрей, бесшумно продвигались вперед, телеги поскрипывали.

Рядом с караваном шли люди. Стояла лютая стужа, и телеги до самого верха были забиты соломой и хворостом.

Человек восемь-девять — простые деревенские мужики — молча торопились в путь. За спинами у них были связаны либо постельные принадлежности, либо большие бамбуковые корзины и узлы с товаром. На шутки и пустые разговоры ни у кого не было настроения.

Колеса телег мерно вращались, сминая колею на довольно ровной грунтовой дороге.

За одно из колес зацепилось несколько сухих соломинок. Колесо крутилось, и солома двигалась вместе с ним по кругу, то взмывая вверх, то опускаясь вниз.

Когда пучок сухой травы в очередной раз оказался в самом низу, откуда-то сбоку плавно двинулась нога в плотной черной тряпичной обуви и аккуратно наступила на солому. Колесо крутанулось дальше, и соломинки оторвались, перестав описывать бесконечные круги.

Человек, шедший рядом с телегой, был укутан на совесть: обмотки плотно прилегали к ногам, рот закрывала повязка, а латаная стеганая шапка надежно защищала лоб и уши. Тесемки шапки были завязаны под самым подбородком. Одет он был в коричневое зимнее платье — пусть и в заплатках, зато плотное и теплое.

Пэй Юва шел, спрятав руки в рукава друг друга и слегка ссутулив спину. Городок Юньцзи был уже прямо перед ними, так что торопиться не имело смысла. Из-за холода он поглубже втягивал шею в плечи.

Нога, только что прижавшая солому, на мгновение замерла, а затем снова зашагала вслед за караваном.

У въезда в городок городские ворота были распахнуты, но из-за раннего часа входящих и выходящих людей почти не наблюдалось.

Несущие стражу у ворот стражники либо зевали, сидя в соломенном навесе, огороженном с трех сторон, либо пили вино да вели праздные разговоры, дожидаясь часа смены караула.

Услышав стук копыт и шаги, один старый стражник сощурился и стал вглядываться вдаль. Когда караван подошел ближе, он зычно окликнул путников и вместе с тремя молодыми стражниками приступил к обычному осмотру груза и проверке личностей.

Этот караван хоть и выглядел тяжело нагруженным, но вез лишь солому, хворост, древесный уголь, сушеные лекарственные травы да кое-какую недорогую пушнину и прочий скарб. Это были простые крестьяне, собравшиеся вместе ради мелкой торговли.

Заправлял всем мужчина, ведущий под уздцы рослого мула. Он был заросшим щетиной, а его холщовая одежда выглядела куда лучше, чем у остальных спутников — на ней не было ни единой заплатки.

Старый стражник взял протянутую мужчиной бамбуковую табличку [в древнем Китае аналог подорожной грамоты или удостоверения личности (своеобразный паспорт), на котором выжигались или записывались данные человека и место его приписки.] и, разглядев ее при свете свечи, небрежно спросил:

— Из управы Яньцю прибыли?

— Так точно. Благо, снег не пошел, так что добрались без приключений, — отозвался деревенский мужик.

Старый стражник, выслушав его, не стал пускаться в долгие расспросы. Проверив бамбуковые дощечки каждого, что служили удостоверением личности и подтверждением регистрации, он повернулся, сел за стол и взял кисть, собираясь сделать запись в книге.

Горячая вода, налитая в теплую тушечницу, уже остыла. [Специальная тушечница с двойным дном, куда в холодное время года наливали горячую воду, чтобы жидкая тушь для письма не замерзала.]

Он обмакнул кисть и, убедившись, что тушь не замерзла, принялся писать при свете свечи.

Только после того, как запись была сделана, каравану разрешили пройти.

Две телеги с соломой, две с хворостом и одна с древесным углем, каждую из которых тащили по две головы скота, одна за другой въехали через городские ворота в городок Юньци.

Оставшиеся шесть ослов и мулов, навьюченные разным мелким товаром, шли следом за телегами под уздцы двух мужчин, мерно цокая копытами по мостовой.

Время было совсем раннее, улицы пустовали, прохожих почти не было. Даже лавки по обе стороны дороги в большинстве своем еще закрыты. Стояла тишина, и лишь изредка из окон домов, выходящих на улицу, доносился глухой надрывный кашель.

Чтобы распродать солому и дрова, нужно было дождаться рассвета, когда в домах затеплится жизнь и можно будет зазывать покупателей криками.

Караван молча продвигался вперед. Небо постепенно светлело. Свернув за угол, они вышли на другую улицу и увидели неподалеку лавку, которую как раз только обустраивали.

Возглавлявший их крестьянин Чжао Ляньсин замедлил шаг. Поразмыслив немного, он обернулся и крикнул идущим позади:

— Добрались. Дальше ехать не нужно, давайте переведем дух да позавтракаем. Эта трапеза за мой счет!

— Отлично, отлично! — услышав, что можно поесть, да еще и не тратя собственных денег,

идушие позади дружно закивали.

У всех сразу прибавилось сил, а дорожная стужа и вялость как рукой сняло.

Подойдя к лавке, они быстро пристроили телеги и привязали у обочины мулов и ослов.

Семья, державшая лавку с завтраками, услышав шум, поспешила расставить столы и табуреты.

Хозяином лавки был мужчина средних лет. Когда к нему приблизились девять мужиков из каравана, он с широкой улыбкой поприветствовал их:

— Садитесь, садитесь все! Скамеек хватит, столов тоже. Вода уже закипает, чай скоро будет готов.

Мать хозяина лавки и его фулан, повязав фартуки, тут же сели лепить хуньтуни [традиционное китайское блюдо, разновидность пельменей из тонкого теста с начинкой, которые обычно варятся и подаются прямо в супе/бульоне (в кантонском диалекте известны как «вонтоны») ] со скромной овощной начинкой. Руки у обоих были удивительно ловкими: подцепить начинку, завернуть, защипнуть — и все выходило быстро и ладно.

Перед огромным котлом разводил огонь старый отец хозяина. Увидев, что пришли клиенты, он горячо поприветствовал их и тут же подбросил в топку еще дров. Пламя с гулом взметнулось вверх, и его иссеченное морщинами лицо, повидавшее немало бурь, ярко окрасилось багровым отблеском огня.

В этом заведении подавали хуньтуни в прозрачном бульоне и лапшу. Чжао Ляньсин первым делом осведомился о цене.

Чаша хуньтуней стоила десять вэней [самая мелкая медная монета в древнем Китае (монета с квадратным отверстием посередине)] — в нее входило двадцать штук с овощной начинкой. Чаша лапши «Янчунь» [пшеничная лапша в чистом прозрачном бульоне, приправленная лишь каплей масла и зеленым луком. Название поэтично отсылает к весеннему теплу, но само блюдо считается пищей бедняков из-за дешевизны] стоила столько же, а вот лапша с подливой или со свиными потрохами обходилась уже дороже.

Чжао Ляньсин предложил всем заказывать на свое усмотрение: кто хочет — пусть берет хуньтуни, а кто любит лапшу — пусть заказывает чашу лапши.

Пэй Юва сел и потер руки. Развязав повязку, защищавшую рот и нос от холода, он спрятал ее за пазуху. Услышав слова старшего, он поднял глаза на слепленные хуньтуни, подумал немного и сказал вслед за другим мужиком:

— Мне чашу хуньтуней.

— Хорошо, — то и дело отзывался хозяин лавки.

Ведя в уме подсчет заказов, он одновременно достал из деревянного таза кусок отдохнувшего теста и принялся его вымешивать.

Караванщики заказали пять чаш хуньтуней и четыре чаши лапши «Янчунь», так что вся семья хозяина дружно засучила рукава.

Небо сделалось еще чуть светлее, но стужа не отступала. Как только вода в котле закипела,

старый отец хозяина первым делом заварил большой чайник и обошел всех, разливая чай по кругу.

Стоило взять в ладони чашу с горячим чаем, как человек, даже не успев сделать глоток, невольно выпускал облегченный вздох. Слегка подув на воду и отпив самую малость, каждый издавал протяжный довольный звук — ну наконец-то добрались.

Они проделали долгий путь из управы Яньцю, что к западу от реки, и все ради того, чтобы попасть в городок Юньцзи.

Хотя Юньцзи был всего лишь скромным городком на западной границе управы Мэйчжу и уступал в размерах главному городу управы, он располагался в крайне удачном месте. Здесь протекала река и имелась пристань, пересекались водные и сухопутные пути, причем дороги отсюда вели во все четыре стороны света.

Для тех, кто держал путь из двух заречных управ — Яньцю и Линшань — в главный город управы Мэйчжу, этот городок был обязательным перевалочным пунктом.

В последние годы торговля между управами процветала, и вслед за этим стал возвышаться и богатеть сам Юньцзи.

Чжао Ляньсин и его спутники были обычными крестьянами. Они перепродавали дрова, уголь и дары гор: скупали подешевле по пути в деревнях и селениях, зазывали покупателей и продавали подороже там, где была нужда.

Но, подобно бродячим торговцам-коробейникам, они понимали, что за такой товар много не выручишь — это был тяжелый труд ради скромного заработка.

До самого города управы Мэйчжу нужно было двигаться дальше на восток. Но везти туда столь дешевый товар не имело никакого смысла, ведь за воротами знатных домов за него гроша ломаного не дали бы. Поэтому более близкий городок Юньцзи и стал конечной точкой их путешествия.

С остановками они провели в пути почти месяц. Стоило им вступить на земли городка Юньцзи, как Чжао Ляньсин перестал брать другие товары и лишь скупил в двух деревнях достаточное количество соломы и хвороста, так что вышло несколько полных телег.

Прошлой ночью они легли спать в одном крестьянском доме, но поднялись уже в полночь, чтобы засветло оказаться в Юньцзи и успеть зазвать покупателей. Если повезет, товар можно будет распродать за два-три дня.

В зимнюю пору сухие дрова и уголь были самым ходовым товаром, без которого не обходилась ни одна семья. Особенно здесь, в городке, ведь горожанам заготавливать хворост и сушить солому куда менее сподручно, чем крестьянам.

В большом котле вовсю бушевало яростное пламя.

Пока варились лапша и хуньтуни, мимо по улице один за другим проследовал конный караван.

Одежда кучеров и охранников разительно отличалась от того, во что были одеты эти деревенские мужики.

Час был слишком ранний, людей на улице мало, поэтому оживление у лавки с завтраками

привлекло внимание проезжавших. Однако большинство лишь бросили мимолетный взгляд, проходя мимо перекрестка, и проследовали дальше.

Чжао Ляньсин пил горячий чай и краем глаза пересчитывал груженные телеги, проезжавшие мимо.

Одних только телег набралось около двадцати. Судя по выправке и богатству конного каравана, они явно направлялись на постой в какое-нибудь крупное подворье.

В отличие от настоящих купеческих караванов, товар этих мужиков представлял собой лишь излишки зерна да дрова, которые простые люди перепродавали друг другу. Прибыль с этого была невелика, да и налогом она не облагалась.

В последние годы императорский двор проявлял милость к народу, налоги и подати были снижены, так что жизнь простых людей и мелких хозяйств стала гораздо легче.

Когда хуньтуни подали на стол, пятеро мужиков тут же взялись за палочки. Те, кто ждал лапшу, невольно сглотнули слюну; разговоры смолкли, и все взгляды устремились к большому котлу, где бурлила вода.

Пэй Юва придвинул к себе чашу, подул и сначала пригубил обжигающий бульон.

В этот прозрачный суп было добавлено несколько капель лукового масла. Тонкие масляные круги плавали на поверхности, а аромат жареного зеленого лука мгновенно пробуждал зверский аппетит.

В одно мгновение праздные разговоры прекратились, сменившись лишь звуками дружного чавканья и прихлебывания горячего бульона.

Когда принесли четыре чаши лапши «Янчунь», некоторые, невзирая на то, что еда обжигала рот, нетерпеливо подцепили палочками добрую порцию и принялись уплетать за обе щеки.

Хозяин лотка переложил оставшееся тесто в деревянный таз и прикрыл его тканью. Только тогда вся семья смогла немного перевести дух и принялась подготавливать свиные потроха, а также мясные и овощные подливы.

Небо все еще оставалось окутанным предрассветной дымкой. В это время со стороны улицы, неся на коромысле два ведра с водой, показались старший сын и младшая дочь хозяина лавки.

Мальчику было на вид лет двенадцать-тринадцать, а девочке — около семи-восьми. В руках они несли по корзине: одну с сушеными овощами, другую — с редькой.

Увидев, что так рано уже пошла торговля, дети ничуть не растерялись и сразу принялись за свои обязанности.

Деревенские мужики привыкли к тяжелому труду и долгим переходам, так что аппетит у них был отменный. Одной чашей хуньтуней или лапши сыт не будешь.

Кое-кто из каравана достал узелок с дорожной провизией. В руках у каждого оказалось по одной-двух лепешке из неочищенного риса, которые они пустили в ход, запивая оставшимся в чашах горячим бульоном.

У каравана были свои припасы, они также везли с собой котел, очаг, крупу, муку и сушеные

овощи. Двое мужиков немного смыслили в готовке и исполняли обязанности поваров.

Весь этот путь от самой управы Яньцю они останавливались, разводили костер и сами готовили себе горячую похлебку да кашу — так выходило куда экономнее, чем покупать готовую еду.

Но эти двое «поваров» все же не были кулинарными мастерами, их умения были лишь чуть лучше, чем у остальных. И сейчас возможность отведать чашу горячих, душистых хуньтуней была для всех настоящим праздником для души и желудка.

Не успели они закончить трапезу, как со стороны перекрестка снова донесся какой-то шум. Поначалу это были лишь торопливые шаги, но внезапно раздался отчаянный женский плач и крик:

— Отдай его мне! Отдай!

Плач был настолько жалобным и полным скорби, что и караванщики, и вся семья хозяина лотка невольно обернулись на звук.

— Эх! — слышался тяжелый, надрывный мужской вздох.

Вскоре на перекрестке показались двое борющихся людей.

Мужчина крепко прижимал к себе ребенка. Он не находил слов, лишь тяжело и горько вздыхал, сурово сдвинув брови. Он пытался высвободиться из рук женщины и сделать шаг вперед.

Женщина была хрупкой и слабой. Мужчина вырвался, ее руки соскользнули, и она едва не рухнула на землю. Но она тут же снова бросилась к нему, упала на колени и мертвой хваткой вцепилась в его ноги, срывая голос в рыданиях:

— Если ты продашь его, мне тоже не жить!

Мужчина не мог сдвинуться с места, в его голосе тоже слышались слезы:

— Стоит открыть глаза — и сразу столько ртов просят есть. Разве у нас есть другой выход, чтобы выжить?

— Ты ведь так больна... Если он уйдет, то по крайней мере будет сыт, для него это тоже спасенье.

Услышав это, женщина пришла в неопишемую ярость. Слезы катились из ее глаз градом. Зайдя в приступе жестокого кашля, она в сердцах обрушилась на него с бранью:

— Какое еще спасенье?! Цзян Хай, у тебя совести нет, ублюдок паршивый! Ты продаешь моего Чанся в бордель, да разве там живут?!

Мужчина по имени Цзян Хай приоткрыл рот, но так и не смог вымолвить ни слова.

— Ему ведь всего восемь лет... Восемь, — надрывно причитала женщина.

Она мертвой хваткой держала мужа за ноги, не отпуская ни на миг, продолжая плакать, умолять и проклиная.

— Если он попадет в бордель, то даже когда вырастет, сколько лет ему останется жить? Цзян

Хай, ты скотина!

— Эх! — Цзян Хай снова тяжело вздохнул.

Стряхнуть жену не получалось, уйти — тоже. Его лоб прорезали глубокие морщины, а лицо превратилось в маску глубокого страдания.

В конце концов, не в силах совладать с ней, он, по-прежнему прижимая к себе дитя, рывком поднял с земли непрекращающуюся кашлять женщину. Горько вздыхая, он повернул обратно, откуда они пришли.

Ребенку на руках у мужчины было на вид лет семь-восемь. Между бровей у него виднелась бледная красная родинка — это был знак шуаньэра. Малыш был до смерти перепуган; он не плакал, но его глаза были полны неподдельного ужаса.

Шуаньэр.

Рука Пэй Юва, державшая чашу, на мгновение замерла. В его душе внезапно зародилась некая мысль.

У него подрастал сын, которому в этом году исполнилось пять лет — совсем еще дитя.

Если суженный окажется на несколько лет старше своего мужа, в этом не будет ничего необычного.

Однако эта женщина так отчаянно плакала и боролась, очевидно, не желая расставаться с ребенком. В конце концов, это ведь была родная кровь, они вырастили его до таких лет — кто же захочет добровольно отдать свое дитя?

<http://bllate.org/book/17875/1708016>